

сарматского времени из могильника Кокэль // Тр. ТКЭАН. Л., 1970. Т. III. С. 239–297; *они же*. Антропологический состав и происхождение населения, оставившего могильник Кокэль // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск, 1986. С. 87–107.

⁴¹ Дьяконова В.П. Заметки к погребальному обряду «кокэльцев» // Евразия сквозь века. Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию Д.Г. Савинова. СПб., 2001. С. 183–186.

⁴² Подробнее см.: Савинов Д.Г. Некоторые аспекты реконструкции материалов могильника Кокэль. С. 107–109.

⁴³ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до манчжуров. М., 1997. С. 59.

⁴⁴ Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньбы // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2000. № 5. Рис. III, 8–10, 12–14.

⁴⁵ Николаев Н.Н. Культура населения Тувы первой половины I-го тысячелетия н.э. С. 19, 25.

⁴⁶ Овчинникова Б.Б. О поминальном обряде древних племен в гунно-сарматскую эпоху в Туве (по материалам могильника Даг-Аразы). С. 187–193.

⁴⁷ Длужневская Г.В. Курганы-кладбища в Саянском каньоне Енисея // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 114.

⁴⁸ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Манусинской котловины. М., 1960. Рис. 13, 5–7.

⁴⁹ Кызласов Л.Р. Древняя Тува... С. 114–119.

⁵⁰ Подробно историю вопроса см.: Азбелев П.П. К исследованию культуры могильников Чаты I–II // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 61–68.

⁵¹ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. Рис. 20–25; *Он же*. Древняя Тува... Рис. 118, 123, 129, 130.

И.Л. Измайлов

БУЛГАРСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЭТНОС: ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ*

Изучение древней и средневековой истории народов Волго-Уральского региона в течение многих лет было одной из приоритетных тем отечественной науки. В последние годы интерес к этому направлению не только не уменьшился, но и возрос. Кроме научного интереса к этой теме в последнее время она стала и объектом политизации в связи с

* Статья публикуется в авторском варианте оформления (Ред.).

ростом национального самосознания и усиления мифотворчества. Ключевым вопросом изучения этногенеза и этнической истории этого региона является этнокультурная история этноса волжских булгар и его роли в этногенезе современных народов края.

Булгаро-татарская теория основывается на положении, что этнической основой татарского народа являлся болгарский этнос, сложившийся в Среднем Поволжье и Приуралье с VIII в. н.э. (в последнее время некоторые сторонники этой теории стали относить появление тюрко-булгарских племен в крае к VIII–VII вв. до н.э. и ранее). Наиболее важные положения этой концепции формулируются следующим образом. Основные этнокультурные традиции и особенности современного татарского (булгаро-татарского) народа сформировались в период Волжской Булгарии (X–XIII вв.), а в последующее время (золотоордынский, казанскоханский и русский периоды) они претерпевали лишь незначительные изменения в языке и культуре.

Княжества (эмираты) волжских булгар, находясь в составе Улуса Джучи (Золотой Орды), пользовались значительной политической и культурной автономией, а влияние ордынской этнополитической системы власти и культуры (в частности, литературы, искусства и архитектуры) носило характер чисто внешнего воздействия, не оказавшего заметного влияния на болгарское общество. В период Казанского ханства болгарский этнос упрочил ранние домонгольские этнокультурные особенности, которые продолжали традиционно сохраняться (включая и самоназвание «булгары») вплоть до 1920-х гг., когда ему татарскими буржуазными националистами и советской властью был насильственно навязан этноним «татары».

Все остальные группы «татар», по мнению сторонников этой концепции, возникли на самостоятельной основе и к этнической общности булгаро-татар Волго-Уральского региона прямого отношения не имеют, являясь фактически самостоятельными этносами со своим особым этногенезом и этнической историей (например, сибирские, крымские и польско-литовские татары).

Данная концепция, возникшая еще на заре становления исторической науки в конце XVIII – начале XIX вв., была разработана в основных чертах в 1920-е гг. с появлением теории стадийности развития языка и автохтонного происхождения народов («яфетическая теория» Марра о развитии языка и общества) (Н.И. Фирсов (1921), М.Г. Худяков (1922; 1923)). В 20–30-е гг. булгаро-татарская концепция конкурировала с другими теориями, но по мере внедрения в советскую историческую и лингвистическую науки вульгарного марксизма в виде марристских

концепций, она становится определяющей (А.П. Смирнов, Х.Г. Гимади, Н.Ф. Калинин). Но в 1940-е гг., после постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. и особенно после научной сессии по происхождению татарского народа (25–26 апреля 1946 г.), данная концепция была основательно отредактирована. Важнейшим периодом татарской истории был признан болгарский, а в большинстве советских исторических трудов стала утверждаться прямая и непосредственная преемственность между булгарами и татарами. Однако основная проблема была не в самом факте подобного отождествления, а в насильственных партийно-административных методах ее утверждения (Исхаков 1997; Измайлов 1996; 1997). Но и позднее, в начале 1960-х гг. и до конца 1980-х гг. эта концепция, пользовавшаяся официальной поддержкой, активно разрабатывалась в советской историографии и даже приобрела научный вид в трудах Г.В. Юсупова (1960; 1971), А.Х. Халикова (1978; 1989), М.З. Закиева (1977; 1995), А.Г. Каримуллина (1988), С.Х. Алишева (1995; 2000); в определенной степени Ф.А. Валеева и Н.А. Томилова (1996).

Татаро-монгольская концепция происхождения татарского народа, основывается на гипотезе о переселении в Европу кочевых татаро-монгольских (центральноазиатских) этнических групп (по одним предположениям в домонгольское, по другим – в начале золотоордынского времени), которые, смешавшись с кыпчаками и приняв в период Улуса Джучи (Золотой Орды) ислам, создали основу культуры современных татар. Сторонники этой теории отрицают, либо приуменьшают значение Волжской Булгарии и ее культуры в истории казанских татар, считая, что Булгария была слабо развитым государством, без городской культуры и с поверхностно ислаимизированным населением.

Сторонники этой концепции единодушны в том, что в период Улуса Джучи местное болгарское население было частично истреблено или, сохранив язычество, сдвинулось на окраины (став основой формирующегося чувашского народа), а основная часть подверглась ассимиляции со стороны пришлых мусульманских групп, принесших городскую среднеазиатскую культуру и язык кыпчакского типа.

Теория возникла в начале XX в. в работах Н.И. Ашмарина (1902) и обоснована В.Ф. Смолиным (1921) и в некоторых аспектах З. Валиди, Р. Рахмати. В последнее время ее активно разрабатывали В.Ф. Каховский (1965; 1984), В.Д. Димитриев (1957; 1984; 1997), Н.И. Егоров (1984), М.Р. Федотов (1980; 1984), Н.А. Мажитов (1997; 1994), Р.Г. Фахрутдинов (1992; 1993), М.И. Ахметзянов (1998), а также в некоторых аспектах А.П. Смирнов (1972) и Ю.А. Краснов (1974).

Тюрко-татарская теория происхождения татарского этноса подчеркивает тюрко-татарские истоки современных татар, отмечает важную роль в их этногенезе этнополитической традиции Тюркского каганата, Великой Болгарии, Хазарского каганата и Волжской Булгарии, а в этнокультурном плане тюрко-огурских, кыпчакско-кимакских и татаро-монгольских этнических групп степей Евразии. Основным элементом в процессах этногенеза и этнической истории ее сторонники считают факторы становления и развития самосознания (выражающегося в этнониме, исторических представлениях и традициях), религии, государственности, письменной культуры и системы образования, указывая на более широкие этнокультурные корни общности татарской нации, чем Урало-Поволжье.

В качестве ключевого момента этнической истории татарского этноса данная теория рассматривает период Улуса Джучи (Золотой Орды), когда на основе пришлых монголо-татарских и предшествующих болгарской и кыпчакской традиций, возникли новая государственность, культура, литературный язык. В Улусе Джучи, в первую очередь в среде мусульманизированной военно-чиновной знати, возникли новые исторические традиции и татарское этнополитическое самосознание. После распада Улуса Джучи (Золотой Орды) на несколько независимых государств, произошло разделение татарского этноса, группы которого начали развиваться самостоятельно. Большое значение в этот период, и, особенно, после русского завоевания татарских ханств, стало играть религиозное (мусульманское) самосознание.

Во второй половине XIX в., в период убыстрения развития буржуазных социально-экономических отношений, особенно заметных в среде татар Волго-Уральского региона и подъема национальной культуры, были актуализированы представления о культурно-историческом единстве татарского этноса и воссоздана историческая традиция, включая болгарский период, в форме татарской идеологии (Ш. Марджани, И. Гаспранлы, Х. Атласи, Г. Исхаки и др.). Благодаря культурной трансформации, волгоуральские татары стали центром притяжения тюрко-мусульманских народов России и ядром развития татарской нации. Результатом культурно-интеграционных процессов явилось формирования современной («этнополитической») нации, что выразилось в сложении татарского национального самосознания и утверждении общего самоназвания «татары».

Таким образом, истории болгар в этой концепции отводится роль одного из определяющих компонентов этногенеза татарского народа, чья исламская этнокультурная традиция стала важным элементом его формирующегося самосознания, претерпев, однако соответствующие изменения.

Теорию эту в тех или иных аспектах развивали в XX в. в своих трудах Г. Губайдуллин (1925; 1994), Э.Н. Наджип (1979; 1989), Н.А. Баскаков (1969), Ш.Ф. Мухамедьяров (1968; 1977), Р.Г. Кузеев (1987; 1992), М.А. Усманов (1972), Н. Даулет (1996), Ю. Шамильоглу (1991), Д.М. Исхаков (1997; 1998; 2000), А.-А. Рорлих (1986; 1991), А. Дж. Франк (1998), И.Л. Измайлов (1993; 1996; 1997; 1999) и др.

Все теории, рассматривающие этногенез татарского народа, роль и место в этом процессе булгар, дают только наиболее общую картину деления историографии. Внутри каждого направления существуют расхождения и дискуссии по различным проблемам и отдельным вопросам. Но среди сторонников различных концепций есть такие, чьи точки зрения, при всей несхожести деталей, довольно близки. Действительно, именно метод изучения этнологической информации, способы и методы ее извлечения из исторических, археологических и палеоэтнологических источников, ее интерпретация, являются ключевым в реконструкции этнической истории и создании модели этнических связей, реально существовавшего в средневековье этноса, определяя и направление научного поиска, и характер полученных результатов. Детерминируются же все эти важнейшие методико-методологические подходы той системой взглядов (или парадигмой), которой вольно или невольно, осознанно или неосознанно руководствовался в своей работе исследователь. Между тем, и «булгаристы» («булгаро-татаристы»), которые считают, что материальная и духовная культура булгар домонгольского, золотоордынского и казанскоханского периодов обнаруживает преемственность между собой, тогда как никакой культуры «тюркоязычных татар» выявить не удалось и «татаристы» («татаро-монголисты»), предпочитающие указывать на преемственность татарского языка от кыпчакского и на этноним «татар», свидетельствующий, по их мнению, об исчезновении булгар и переселение в Среднее Поволжье тюрко-кыпчакских (татарских) групп из Центральной Азии, гораздо ближе друг другу, чем принято думать.

Представления, которые их объединяют, состоят в механистическом подходе к сущности этнических процессов. Постулируя единство археологической культуры булгар от X до XVI вв. (конструируемой на основе гончарной керамики, украшений и других элементах материальной культуры, причем различия не принимаются во внимание) и далее до этнографической современности (подчеркивая сходство в образе жизни, занятиях и бытовой культуре), они вынуждены объяснять функционирование в XIX–XX вв. этнонима «татар», но не «булгар». Одних исследователей это приводит к мысли о преемственности средневековых и

современных болгар, которые только «по ошибке» или по злой воле «буржуазных националистов» приняли другой этноним. Других – та же проблемная ситуация – к признанию переселения татар в Болгарию еще в домонгольское или в золотоордынское время – то есть, к смене населения без изменения культуры (Фахрутдинов 1993; Ахметзянов 1998). Сторонники обеих с разной степенью научности оперируют данными археологии, языка, этнонимии и антропологии, но, как можно заметить, различия между ними носят не принципиальный, а тактический характер, что позволяет некоторым ученым, не меняя метода исследования, трансформировать свои взгляды на прямо противоположные (ср.: Фахрутдинов 1984; 1993).

Это заставляет рассматривать обе эти группы взглядов, как относящиеся, в принципе, к одной парадигме, которая характеризуется материалистическим подходом к анализу материала и, соответственно, механистическим пониманием сущности этноса и этнических процессов.

Требуется создание принципиально нового подхода для преодоления этой проблемной ситуации. Основой для подобной системной этноархеологической методики является изучение средневековой болгарской ментальности как источника сведений о ключевых аспектах этнополитических представлений. Распознав этнический контекст, можно выделить в нем элементы, имеющие этнокультурную и этносоциальную значимость, а среди них те признаки и артефакты, которые могли бы быть зафиксированы археологически. Только после этого становится целесообразным обратный путь рассмотрения типологизации этнокультурных явлений археологической культуры, но только под углом зрения выявленного этнического контекста, и как способ его уточнения. Теоретически это означает определение архетипов прошлой болгарской культуры (план содержания), которые могли и должны были найти отражение в болгарской археологической культуре (план выражения) и восхождение от них, используя правила и методы соотнесения, к реконструкции прошлой этнокультурной ситуации (план познания или «интерпретация»). Подобная стратегия является адаптацией, применительно к археологии и палеоэтнологии, методики, разработанной Л.С. Клейном (1991) для выявления архетипов культуры и уточнения группировки археологического материала.

Основой для подобного анализа является изучение средневековой болгарской ментальности как источника сведений о ключевых аспектах этнополитических представлений. Рассмотрение аутентичных исторических источников, элементов историографической традиции и фольклорных материалов, позволил реконструировать основные, значимые

для этноса, представления. Можно считать, что анализ различных аспектов этнополитического самосознания волжских болгар X–XIII вв., сохранившихся в исторической традиции (историографической и фольклорной) показывает их связь с реалиями существования народа, а также уровне его политических притязаний. Рассмотрение их позволило сделать вывод о явных интеграционных тенденциях, причем на новой основе – исламского государства. Подтверждение этому можно найти в практически полном игнорировании в сохранившейся традиции языческих и племенных элементов, а фигурирующие в них реминисценции (эпонимы, элементы архетипичных представлений и т.д.) не более, чем вкрапления в структуру исламских представлений. Одновременно на первый план в них вышли такие компоненты новой политической системы, как осознание своей связи с правящей династией, которая распространяется на все население, связи с территорией страны – понимаемой как отечество для всего населения, единство которого осознавалось не просто как кровное (от единого предка, причем на первый план в этих традиционных архаичных образах выходит коранический, а не общетюркский пантеон), а как духовное. Оно явно понималось как общность, возникшая в прошлом благодаря «перерождению» народа после принятия ислама и становления государства (обретение независимости в борьбе, появлении новой династии и т.д.) и осознания своего места в исламском мире. Это означает, что этнополитическое единство осознавалось не в категориях родоплеменных, а наоборот резко противостояло им, делая упор на новую социальную общность (Измайлов 1996; 2001).

Отсюда можно сделать вывод, что рассмотренные выше аспекты сознания, несомненно, достаточно точно характеризуют данную общность через призму ее собственных взглядов. Можно считать доказанным, что часть населения Среднего Поволжья X–XIII вв., осознавшая себя связанной определенными обязательствами с правящей династией и подвластная ей, исповедующая ислам и следующая своей особой миссии в мусульманском мире, жившее в пределах одного государства и считавшее его землей для себя отчиной, – именно это средневековое население Волго-Уральского региона определенно называло себя «булгарами». Эти черты, характеризующие общеповолжское сознание, и были зафиксированы в официальной историографической традиции. Особо следует подчеркнуть, что и другие объективные элементы общности, выявленные археологически и исторически, такие как общность языка, бытовой культуры, хозяйственной деятельности (разумеется, при определенном местном культурном и этническом разнообразии, которое в частности отмечено на материалах бытовой лепной посуды и женских

украшений), скорее всего не сознавались или же не считались дифференцирующими. По имеющимся данным, ведущим в этом вопросе само население Булгарии в домонгольский период считало единство династии, населения и родной земли, а также религии и рассматриваемого через ее призму, прошлого. Таким образом, данная модель определения этнополитического самосознания населения Булгарии, позволила выявить не только характерные аспекты, но и параметры, по которым человек самоопределялся как «булгар».

Кроме письменных источников в нашем распоряжении есть чрезвычайно важные археологические материалы, которые позволяют судить о распространенности ислама и его ритуалов у булгар. Достаточно отметить два факта. Для болгарских памятников X–XIII вв. характерно практически полное отсутствие костей свиньи. Например, среди остеологических материалов из Билярского городища за время раскопок 1967–1971 гг. (всего обнаружено 9606 костей) их вообще не выявлено, нет костей свиньи и на других памятниках (Петренко 1976; 1984). Редкие исключения только подтверждают общее правило. Так, при раскопках Билярского городища (1974–1977 гг.) обнаружены отдельные кости свиньи, которые концентрируются близ усадьбы русского ремесленника. Высокая статистически представительная выборка материалов и ее поразительная стерильность в отношении костей свиньи, как среди материалов городских, так и сельских поселений, учитывая факт широкого распространения свиноводства в более ранний исторический период и в соседних с Булгарией регионах, позволяет сделать вывод о повсеместном и строгом следовании булгарами предписаний и запретов ислама.

Еще более выразительно о распространении и характере ислама позволяют судить могильники волжских булгар, погребения которых совершены по мусульманскому погребальному обряду. Булгарские могильники, как археологический источник, были скрупулезно и всесторонне проанализированы Е.А. Халиковой (1986), что позволяет опираться на ее выводы по этой проблеме. Мусульманский погребальный обряд населения Булгарии X–XIII вв. по ее данным можно реконструировать так: глубина могильной ямы до 1 м, могильная камера без ляхда, стенки ямы отвесные или с небольшим наклоном, иногда на дне ямы фиксировался подбой, погребенный был ориентирован головой на запад, запад-северо-запад или запад-юго-запад, иногда умерший хоронился в гробу или деревянном ящике с перекрытием, при этом умерший, как правило, клался в могилу с некоторым поворотом туловища на правый бок, лицом обращенным в сторону Мекки (редко на спине и лицом вверх), руки умершего лежали: правая вдоль тела, левая сдвинута на

таз (реже обе вытянуты вдоль тела или полусогнуты), ноги чаще вытянуты (реже согнуты, полусогнуты или одна из них полусогнута). Вещи в погребениях, как правило, отсутствуют, хотя иногда встречаются, но не как элемент одежды, а, очевидно, как поминальный дар.

По данным исследователя, подобный «классический» (идеальный) обряд выработался не сразу, а в течении определенного времени, но и после его становления, встречаются определенные вариации этого канона. Е. А. Халикова сделала вывод о начале распространения ислама в Болгарии в конце IX – начале X вв., о полной и окончательной победе мусульманской погребальной обрядности в среде горожан в первой половине X в., а в отдельных регионах во второй половине XI в. При этом особо подчеркивала, что с рубежа X–XI вв. языческие могильники на территории Болгарии уже не известны. Выводы эти в основном выдержали испытание временем и сейчас можно сказать, что расширение источниковедческой базы по материалам болгарских мусульманских могильников, лишь подтверждает основные положения работ исследователя.

В настоящее время известно примерно 59 могильников по всей территории Болгарии (Предволжье, Предкамье, Западное и Центральное Закамье и бассейн р. Малый Черемшан), на которых вскрыто более 970 погребений, совершенных по мусульманскому обряду и при этом не обнаружено ни одного не только могильника, но даже и единственного языческого погребения. Все эти факты весьма ярко и недвусмысленно свидетельствуют о повсеместном распространении ислама и глубине его проникновения в народную культуру. Важность этих материалов в том, что они позволяют оценить реальность выраженных в исторической традиции представлений. По сути дела полное господство ислама и исчезновение разнообразных языческих культов, распространенных в предшествующий период, а также строгое следование мусульманским запретам (отсутствие костей свиньи и т.д.) свидетельствует о растворении различных этнокультурных и племенных групп в мусульманской среде, формировании единого болгарского этноса. При этом некоторые небольшие иноконфессиональные группы (православные русские и армяне-монофизиты), имевшие свои торговые колонии в Болгарии, оставались вне болгарского этноса. Как «люди книги» они за редким исключением не подвергались насильственной мусульманизации. Иное дело – языческие племена чувашей, восточных финнов и угров, которые испытывали постоянное давление мусульман и частично исламизировались (например, бесермяне).

Подводя итог, следует отметить, что как теоретические построения, так и практические исследования на примере этногенеза средне-

вековых булгар, одновременно с дискредитацией старой археологической модели, показывают продуктивность методики этнологического синтеза. Этот подход отвергает руководящую роль одной единственной науки и заменяет ее всесторонней и сбалансированной междисциплинарной интеграцией. Это, наконец, позволит вместо простых «уровней» и банального «здорового смысла» археологической этногенетики приблизиться к сложной и многоступенчатой процедуре этнологических исследований, с использованием данных различных наук. Разумеется при этом, как справедливо писал Л.С. Клейн (1988), «такая смена подхода сделает исследования по этногенезу более трудными для эмпириков, вовсе недоступными для дилетантов и совершенно непривлекательными для энтузиастов априорных идей о том, откуда “должны” происходить те или иные народы. Что ж, это обычная и не слишком высокая плата за приближение к истине и становление науки».

К.А. Руденко

О ВЕРХНЕЙ ГРАНИЦЕ БЫТОВАНИЯ ВЕЩЕЙ АСКИЗСКОГО ОБЛИКА В ПОВОЛЖЬЕ И ПРИКАМЬЕ

Древности аскизского облика в последнее время четко выделяются в материале памятников Поволжья и Прикамья¹. К ним можно отнести изделия нескольких категорий (рис. 1–6). Это предметы вооружения (наконечники стрел, защитный доспех) и детали конской упряжи (накладки, пряжки, удила и псалии).

Выявленные типы находок такого рода появляются на памятниках Волжской Булгарии в определенный хронологический промежуток – в первой половине XI века и ранее в материалах нашего региона не встречались². Это относится, прежде всего, к предметам вооружения (рис. 6). Элементы конской упряжи до этого времени в основном представлены в археологическом материале бронзовыми украшениями и железными псалиями и удилами. Позже украшения ремней сбруи стали не только изготавливаться из железа и инкрустироваться (серебром или медью), но и сам способ соединения ремней упряжи стал иным. Вместо жесткой фиксации концов ремней в «тройнике» используется облегченный вариант с подвижным соединением с помощью промежуточного колечка, к которому крепятся металлические наконечники.

Появляются новые мотивы в форме и оформлении поделок в целом, а также в технологии их изготовления. С изделиями аскизской